

Еще во времена первобытного общества на скалах, отдельных больших камнях примитивными орудиями наши предки выцарапывали, выбивали или рисовали изображения различных животных. Им поклонялись тогдашние роды и племена, считавшие этих зверей прародителями родов — тотемами. Уже в этих изображениях тотемов исследователи видят прообразы гербов.

У истоков геральдики

Непосредственными предшественниками гербов были родовые и семейные знаки собственности. Например, у славян — «рубежи», «знамена», «метки», у тюрков — «тамги». Подобные простейшие знаки в виде палочек, зарубок, элементарных рисунков иногда сохранялись на территории нашей страны вплоть до прошлого века: ремесленники метили свои изделия, крестьяне — сельскохозяйственные орудия, скот и т. п.

Первыми гербами были эмблемы на печатях, монетах, медалях древних государств. В III тысячелетии до н. э. в шумерских государствах уже существовал свой герб — орел с львиной головой; в Египте — змей; в Армении — лев, увенчанный короной. Имели гербы и города Древней Греции: например, на гербе Афин была изображена сова, Родоса — роза, Самоса — павлин, Коринфа — крылатый конь. Гербом Византийской империи был двуглавый орел¹.

Древний мир оставил после себя многочисленные памятники литературы, искусства, архитектуры, рассказывающие и о тогдашней символике. У египтян и персов, греков и римлян символика уже была широко распространена.

Эмблемами пользовались не только страны и города, но и отдельные лица, отличавшиеся от других общественным или имущественным положением.

В произведениях Гомера, Плиния, Вергилия подробно описываются войска, вооружение героев. Отмечается, что многие щиты и шлемы того времени украшены затейливыми символами. У Александра Македонского, скажем, на шлеме был изображен морской конек, а у легендарного Ахиллеса — лев.

Однако эти эмблемы древних были только личными символами людей, которые их избирали; они не переходили по наследству. Отсутствие же ответственности в передаче изображений не позволяет считать такие эмблемы гербами в полном смысле этого слова².

Являясь отличительной эмблемой государства или города, гербы символически передавали их характерные особенности, местные отличия, иногда — философские и политические идеи, значительные исторические события.

До сих пор сохранились возникшие в средние века гербы городов: Флоренции — красная лилия, Парижа — ладья, Лондона — крест и меч и пр. У мусульман для гербов использовались различные геометрические или орнаментальные узоры.

Но главное состоит в том, что гербы появились не на пустом месте. Они должны были пройти долгий путь развития, и действительно прошли его, начиная от древних родовых эмблем, передаваемых из поколения в поколение, из рода в род. Такая эволюция характерна и для нашей страны. Она хорошо прослеживается у сарматов, в древнем Боспорском царстве; характерно это явление и для древнерусских гербов.

От сарматов к Боспору

Проследим эту эволюцию, неизвестную широкому кругу читателей. Да и у специалистов, исследователей древних символических знаков, она вызывает немало раздумий, побуждает спорить по тем или иным вопросам.

Множество книг, научных работ написано о жизни скифов, сарматов, населения Боспорского царства и античных городов Причерноморья, о других народах, оставивших нам подобные знаки. И все-таки многие тайны еще не раскрыты, многие загадки не разгаданы.

От тех далеких времен до нас дошло крайне мало письменных источников, способных точно ответить на интересующие нас вопросы. Сочинений римских и греческих авторов по истории Причерноморья второй половины I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. до нас дошло очень немного.

В гораздо большем количестве история сберегла после древних племен и народов остатки их поселений, могильников, предметы быта, культуры, надписи и др.

Среди них особую категорию памятников составляют так называемые загадочные знаки Причерноморья, вот уже два столетия приковывающие к себе взоры ученых. До революции их изучение не было планомерным и систематическим; в печать попадали неточные зарисовки таких знаков.

В советское время знаки исследуются более внимательно и систематично. Ими занимались, например, такие специалисты, как Н. А. Захаров, И. И. Мещанинов, Э. И. Соломонов.

Вместе с тем ученые трактовали эти знаки по-разному: одни видели в них письмо, иероглифы, другие — монограммы или орнамент, третьи — культовые символы.

Последовательное многолетнее изучение привело к выводу, что эти знаки — не что иное, как древнейшие гербообразные изображения, употреблявшиеся на территории нашей Родины. Все они подразделяются на три основные группы. Самую большую составляют сарматские эмблемы (табл. I, 1—9), занесенные в Причерноморье сарматскими племенами еще до нашей эры и широко распространенные в римское время. К числу геральдических символов местного происхождения, не принадлежавших сарматам, относится вторая группа — сложные царские гербы Боспора (табл. II, 1—7) типа гербов Тиберия Эвпатора, Савромата II, Рескупорида III. Третью группу гербообразных изображений (табл. III, 1—3) составляют символические орнаменты геральдического и магического характера.

Очень часто наблюдается удивительное сходство сарматских эмблем с эмблемами других народов. В чем причина? Объяснение может быть довольно простым. Исходным символом большинства сарматских эмблем было изображение именно родовых знаков. В более позднее время в качестве геральдических символов сарматы использова-

ли условные изображения объектов и предметов окружающего мира или их частей.

Сарматы применяли эмблемы с различными целями: для обозначения лиц, проживающих в данном поселении или городище (своего рода «домовая книга»; в этом случае знаки наносили на стены пещер, жилищ, либо на специальные каменные плиты или другие предметы, либо на стены городищ); для обозначения пастбищ и водопоев (в таких случаях символы высекали на скалах, больших камнях, заметных предметах вблизи источников воды и т. п.); для обозначения предметов домашнего хозяйства владельца эмблемы.

Эти символы использовались и с магическими целями. Однако такие внешние признаки, как сочетание эмблем с рисунками, повторение на одной плите одинаковой формы символов, большое количество различных эмблем на одном памятнике, нанесенных разными резцами и в разное время, не могли служить доказательством использования эмблем с культовыми целями. Бывали случаи, что эмблемы наносились просто механически, без всяких преднамеренных целей.

Примитивные рисунки, встречающиеся рядом с сарматскими эмблемами, тоже могли быть сарматскими символами геральдического характера. У сарматов, как и у других народов, символы сложных форм на определенных этапах сосуществовали с эмблемами простых форм.

Иногда, как свидетельствуют авторы того времени (Плиний, Аммиан Марцеллин и др.), некоторые племена, в том числе сарматы, для обозначения признаков социального положения как специфическую геральдику использовали татуировку.

Во время раскопок археологи находят очень интересные эмблемы на поясных пряжках, различных ремесленных изделиях, в том числе золотых. Эти находки оказываются либо гербовыми знаками царей — выходцев из сарматской среды, либо говорят о существовании, помимо царских, еще и мастерских, принадлежавших сильной сарматской аристократии.

Археологические раскопки дали много сарматских зеркал-подвесок из разных районов, с одинаковыми символическими изображениями, что подтверждает наличие работавших на широкий рынок мастеров или мастерских по производству зеркал.

Сложные царские гербовые знаки типа гербов Тиберия Эвпатора, Савромата II, Рескупорида III представляют особую группу, сформировавшуюся, в отличие от всех других эмблем, непосредственно на территории Боспорского царства³.

Большинство гербов царей Боспора состоит из трех частей. Истоки верхней (именной) части этих гербов коренятся в именных сарматских эмблемах, занесенных на территорию Боспора сарматами. Нижняя (династическая) часть своим происхождением, возможно, обязана изображению трезубца — одного из древних символов боспорских династий. Такое соединение боспорской и сарматской традиций и образование нового герба боспорских царей произошли в начале сарматского периода истории Боспора.

Как же совершался этот процесс? Впервые сарматская традиция проникла в царскую эмблематику Боспора, вероятно, во времена царствования Динамии. Изображение, встречающееся на ее монетах, было, видимо, необычной греческой монограммой, именованной символом сарматского типа. Известны и другие эмблемы боспорских царей, являющиеся именованными геральдическими эмблемами сарматского происхождения: эмблемы Аспурга, Фофорса, Ининфимея. Эти цари были, вероятно, сарматского происхождения и оказались у власти в силу определенных исторических обстоятельств.

Эмблема Фофорса встречается на монетах с другими символами, возможно, принадлежавшими его близким родственникам. Какой формы символ был эмблемой самого Фофорса, определить трудно.

Царями Боспора, не принадлежавшими к правящей династии, становились некоторые из представителей сарматской знати. Их эмблемы встречаем на поясных пряжках и каменных плитах рядом с гербами боспорских царей либо отдельно на памятниках государственного значения.

Эмблемы на специально вытесанной плите не обязательно были личными эмблемами одного из боспорских царей. Они могли быть и символом царского наместника (выходца из сарматской среды), и эмблемой предводителя сарматских племен, породнившегося с царями Боспора или бывшего их военным союзником. В качестве примера можно привести плиту с надписью Евпатерия, найденную

в Тамани, на которой один из гербовых знаков принадлежал боспорскому царю Тиберию Эвпатору, другой — знатному лицу сарматского происхождения.

Царю Реметалку принадлежал, возможно, герб, подобный гербу Тиберия Эвпатора, встречающийся на пряжках боспорского производства. Он отличался от герба Тиберия Эвпатора только тем, что вместо треугольника в верхней изменяющейся части был четырехугольник (табл. III, 3).

Развитие сложных гербовых знаков царей Боспора типа гербов Тиберия Эвпатора, Савромата II и Рескупорида III шло по пути усложнения форм. Наиболее сложные знаки возникали на определенных, не конечных, а промежуточных этапах развития.

Менялось имя владельца герба, менялся и сам герб: его положение, повернутое влево или вправо, или прибавлялась новая черточка в верхней части изображения.

Верхняя часть герба зависела от степени родства его владельца. Нижняя часть была общей для всех. Чаще всего величина и пропорции обеих частей зависели от размеров памятников, на которые они наносились.

Сложные царские знаки Боспора типа знаков Тиберия Эвпатора, Савромата II, Рескупорида III нельзя считать сарматскими эмблемами. Их следует рассматривать как группу боспорских гербов местного происхождения.

Третьей группой гербообразных изображений Причерноморья, датируемых первыми веками нашей эры, являются символические орнаменты геральдического и магического характера, развившиеся из гербообразных символов.

На ранних этапах своего развития этот орнамент носил геральдический характер. Позднее символический орнамент становится все более декоративным, а его связь с изображениями эмблем утрачивается. В то же время изучение символических орнаментов прояснило вопрос о будущем геральдических эмблем, показав, что постепенно они развиваются в орнамент.

Что представлял собой символический орнамент? Известные нам виды орнаментов связаны с мотивами круга, который идет еще с бронзового века, связываясь с представлением о Солнце. Этим же объясняется и мотив крестообразно размещенных линий, радиально направленных лучеобразных отрезков.

С изображением Солнца связаны также гаммированные знаки и знаки из лучеобразных линий, соединяющихся в центре круга.

Символический орнамент на зеркалах соединял разные идеи: на ранних этапах развития — тамговые, декоративные и магические, связанные как с круглой формой зеркала, так и с другими упомянутыми солнечными символами. С какими именно конкретными целями владельцы зеркал применяли магические идеи, сказать пока трудно. Только дальнейшие исследования орнаментов помогут решить этот вопрос.

О путях развития гербообразных знаков с полной уверенностью можно утверждать только одно: они перерастали в символический орнамент.

Сарматские эмблемы, которые были, собственно, специфическими пиктограммами, применялись в сарматском обществе и для «записей» и передачи определенных сведений.

Другие пути развития гербообразных знаков еще пока точно не выяснены. Есть основания полагать, что именно они явились той базой, на основе которой сформировались символические изображения на поясных наборах и других вещах эпохи раннего средневековья, а также широко известные знаки древнерусских князей.

У древних русов

На территории расселения древних русов и современной Венгрии найдено большое количество поясных наборов и других предметов с гербообразными изображениями, основу которых составляют двузубые эмблемы и трезубцы (табл. IV, 1—5). Однако, если раннесредневековые наборы с гербообразными изображениями на них являлись продуктом местного производства, то этого нельзя сказать о самих гербообразных изображениях.

Как известно, уже на Боспоре существовали не только сложные царские гербы местного происхождения, но и множество разнообразных сарматских эмблем, столь многочисленных, что контингент царских гербов буквально растворялся в их разнообразии. Только это небольшое количество сложных царских гербов было местного происхождения.

Царские гербы употреблялись лишь на территории Боспора, в то время как знаки других начертаний применялись более широко (во всем Северном Причерноморье), прочно вошли в быт населения и использовались в практической жизни, например в ремесленном производстве.

Еще мастера римского времени метили эмблемами свои изделия. Причем ремесленники, работавшие в царских мастерских, ставили царский герб, а владельцы собственных мастерских — свою личную эмблему.

В раннем средневековье положение изменилось. Уже в III в. н. э. Боспор представлял собой греко-сарматское образование. С течением времени варварские элементы занимали все большее место в жизни Боспора.

Одновременно с варваризацией Боспора усиливался процесс упадка Боспорского царства. В 336 г. н. э. Боспорское царство прекратило чеканку монет, и хотя у нас есть данные о существовании боспорских царей, положение их было, вероятно, не очень прочным.

В середине III в. н. э. на Боспоре правили два царя. Один из них был варвар по имени Фарсанз. И хотя Фарсанз властвовал недолго, а Боспорское царство просуществовало еще более ста лет (до вторжения гуннов около 375 г. н. э.), оно тем не менее продолжало терять своеобразие облика, растворяясь в варварской среде.

С падением рабовладельческого Боспора боспорское ремесло, однако, не исчезло. Даже после вторжения гуннов некоторые города и сельские поселения Боспора не были уничтожены. Об этом свидетельствуют раскопки Пантикапея, Фанагории, Тиритаки, поселений на Таманском полуострове. К последней четверти IV в. н. э. относятся возрождение жизни в Танаисе.

Сами гунны, пришедшие в причерноморские степи с Востока и постоянно ведущие войны, были заинтересованы в изделиях мастеров Боспора, славившихся далеко за его пределами. Письменные источники подтверждают, что в это время Причерноморье было рынком, где боспорские ремесленники сбывали свои изделия. Кто же они были, эти ремесленники? Вероятнее всего, сармато-аланы, поскольку в это время Боспор и прилегающие территории населяли главным образом сармато-аланские племена и остаток варваризованного эллинского населения.

В новых условиях все они обрели большую самостоятельность, стали независимыми от крупных владельцев

мастерских, ранее эксплуатировавших их труд. Даже бывшие царские мастера получили возможность отныне метить свои изделия не царским гербом, а собственным. Этим объясняется и тот факт, что на поясных наборах раннего средневековья мы уже не находим знаков владельцев мастерских, встречающихся на боспорских пряжках II—III вв. н. э.

Как же решить вопрос о происхождении гербообразных изображений на раннесредневековых поясных наборах, датируемых в основном VI—VII вв.?

Эти изображения были, вероятно, не местного, а сарматского происхождения. На такую мысль наводит то, что большой контингент ремесленников Причерноморья составляли представители сармато-аланского населения, а греческое было настолько варваризировано, что к этому времени само заимствовало многие черты варварской культуры.

Конечно, сарматский ремесленник ставил на своих изделиях гербообразное изображение сарматского происхождения. Представители варваризированного греческого населения, возможно, тоже ставили изображения типа сарматских.

Интересно то, что поясные наборы, серебряные наколенники поясов встречаются не только в степях Причерноморья, но и на Кавказе, а также в кладах Западной Европы — на Дунае, в Испании. Богато украшенные пояса найденных древностей русов V—VII вв. говорят об участии древнерусских дружинников в походах на Причерноморье, Византию и Рим. Все они украшали себя поясами, которые, вероятно, символизировали воинскую доблесть.

На папирусных свитках сохранились интересные данные о том, что в византийском войске пояса подразделялись на два вида: простые, выдававшие пешим воинам, и «болгарские», предназначенные для конницы. Этим поясам придавалось большое значение. Легенда о постройке в 1073 г. церкви в Киеве рассказывает и о том, что в основу меры длины была положена длина пояса. Возможно, с поясами связывались какие-то символические языческие обряды, ибо перед причастием каждому воину полагалось снимать пояс. Интересно, что в XI в. известны древнерусские пояса с княжескими знаками.

Обычай носить пояса был широко распространен у русов. Мужчины имели пышные пояса, украшенные серебром⁴.

В Среднем Поднепровье археологи нашли множество вещей с гербообразными изображениями в виде двузубой эмблемы и трезубца. Вероятно, они бытовали в тех местностях, пока древнерусские князья не начали ставить эти изображения на своих монетах, печатах и т. д.

Почему? Да потому, что в X в., т. е. во времена, когда распространились знаки древнерусских князей в Причерноморье и прилегающих территориях, уже не существовало гербообразных знаков римского времени, повсеместно употреблявшихся в северопонтийской периферии античного мира. Вместо них в раннем средневековье появляются гербообразные изображения, обнаруженные на поясных наборах и других изделиях VI—VIII вв. н. э. и являющиеся по своему происхождению, видимо, сарматскими или боспорскими.

Эмблемы древнерусских князей

Сведения о геральдических знаках древнерусских князей (табл. V), употреблявших их в качестве знаков собственности, относятся к середине X в. Первые такие сведения принадлежат Ибн-Мискавейху, который в рассказе о походе русов на Бердаа в 943—944 гг. отмечает, что во всех местах, где они собирали дань, русы оставляли свой знак (кусоч глины с печатью), дабы знать, где уже собрали, а где еще нет⁵. Возможно, этим знаком был герб Игоря, княжившего в те годы.

Другое сообщение находим в «Повести временных лет», где говорится о походе княгини Ольги на север: «В лето 6455 иде Ольга Новугороду и устави по Мсте погосты и дани, и по Лузе оброки и дани; и ловища ея суть по вьсей земли и знаменья и места и погосты»⁶. Здесь слово «знаменья», бесспорно, не может иметь никакого иного значения, кроме указания на знак княжеской собственности. Русская Правда подтверждает тот факт, что словом «знаменье» обозначался предмет, помеченный княжеским знаком. Русская Правда сообщает и о знаках, употреблявшихся в княжеском хозяйстве: «А за князь конь, иже той с пятном, 3 гривны»⁷. Также

здесь под словом «пятно» следует понимать княжескую геральдическую эмблему.

В Древней Руси считалось тяжким преступлением посягать на собственность, помеченную княжеской эмблемой, или подменить княжеский герб своим.

К сожалению, письменные источники не приводят изображений этих гербовых знаков⁸. Рисунки гербов древнерусских князей нам помогла увидеть нумизматика — наука о монетах и сфрагистика — наука о печатах⁹.

На монетах киевских князей встречаются различные «загадочные» геральдические знаки. Эти фигуры похожи на перевернутую букву «П», к которой прибавлялись отростки снизу или посередине, точки, кресты и т. п. Различаются два типа таких изображений: на печатах чаще всего бывают простые, схематичные рисунки, на монетах — те же эмблемы, но с большим количеством дополнительных элементов, выполненных в парадной форме, превращающей геральдический знак в замысловатый орнаментальный символ (табл. VI, 1—6).

Здесь снова интересно отметить, что эмблемы, аналогичные описываемым, уже встречались среди раннесредневековых древностей русов: на подвесках с выемчатой эмалью из Мощинского клада на Оке и на побережье Днепра близ Смелы. На одной из них эмблема имеет вид двузубого изображения с раздвоенным отростком внизу. На другой — подобное изображение с черточкой внизу, но черточка усложнена еще и изображением небольшой дужки. Академик Б. А. Рыбаков допускает, что на подвесках нанесены гербы славянских вождей. Это подтверждают и другие предметы, найденные в тех же кладах.

Геральдические знаки древнерусских князей оказываются не только на монетах, печатах, подвесках, но и на других предметах: перстнях, оружии, знаменах и т. п. Благодаря этим находкам можно проследить изменения, происходившие с древнерусскими гербами, и значение этих изменений.

Знаки, имеющие в основе изображение нижней части сложных царских гербов Боспора, возможно, уходят своими корнями в глубь истории Боспорского царства и античной цивилизации на северном побережье Черного моря. Ведь исходную схему гербообразных начертаний у названных средневековых изделий составляют двузубые изображения, реже — трезубцы. Подобное наблюдается и

в гербах древнерусских князей, основой которых являются именно двузубые изображения и трезубцы.

Интересно, что в изображениях обеих групп главной схемой служит двузубец. Правда, по начертанию ранне-средневековые двузубые изображения и изображения X—XII вв. несколько расходятся. Раннесредневековые имеют длинный стержень, а X—XII вв.— короткий, в виде небольшого отростка внизу. Величина знака (в том числе и длина стержня) часто зависела от формы и размера предмета, на котором он ставился.

Предметы раннесредневекового времени, где двузубые изображения имеют длинный стержень, преимущественно представляют собой наконечники поясных наборов, т. е. предметы узкие и длинные. Естественно, в таких условиях изображение имело длинный стержень, поскольку было вытянуто во всю длину наконечника. Если же такой знак ставили на печати или монете, то стержень «терял» свою длину, ибо форма и величина предмета не позволяли ставить изображение с длинным стержнем.

На тех же наконечниках длина стержня зависела от их длины: на коротких стержень был короче, на длинных — длиннее.

Разница между раннесредневековыми двузубыми изображениями и гербами древнерусских князей в значительной степени объясняется развитием гербов, их разнообразным употреблением в повседневной жизни.

Известно, что гербы древнерусских князей, как и царские гербы Боспора, развивались наследственно, в той или иной мере меняли свою форму с изменением имени правителя. Общей оставалась только основа — двузубое изображение или трезубец. Изменение выражалось в добавлении или убавлении небольших отростков, завитков к основе знака снизу, по бокам или внутри.

Иногда эти дополнения не имели значения, ибо употреблялись с чисто декоративной целью. Это наблюдается в декоративно выполненном гербе Савромата II на плите из Танаиса, в декорированных изображениях на принадлежностях раннесредневековых поясных наборов, а также при сопоставлении гербов древнерусских и гербов на монетах и печатях, которыми метились изделия для внешней торговли, различные предметы производства княжеских ремесленников, государственные документы и т. д.

Развитием объясняется и тот факт, что не все двузубые гербы древнерусских князей имели стержень с развилкой. Схемы с изображением трезубца аналогичны изображениям трезубца с маленькой ручкой или специальным значкам в виде трезубца на монетах боспорских царей.

Есть полные аналогии гербам древнерусских князей среди гербообразных изображений на изделиях раннего средневековья, найденных на территории будущего древнерусского государства. Так, например, герб Ярослава Мудрого на поясных бляшках, найденных в Приладожье и в окрестностях Суздаля, почти полностью аналогичен изображению на поясном наборе из Перещепинского клада Полтавской области. Поясной наконечник датируется концом VII — началом VIII в. н. э., был изготовлен, вероятно, в Северном Причерноморье. Изображения в обоих случаях напоминают тот же трезубец. На месте княжеского двора в Киеве найдена литейная форма, также дающая подобный знак. Древнерусские княжеские гербы были именным знаком князей, заменявшим их имя. Они же были и знаками собственности. Опять-таки — аналогичная картина со сложными гербами боспорских царей.

Правда, учеными еще не найдены предметы с гербовыми изображениями, по времени непосредственно предшествующими древнерусскому государству. Однако, когда они будут найдены и изучены, мы получим недостающую часть картины, которая, возможно, покажет, как происходил процесс трансформации гербообразных изображений VI—VII вв. н. э., впервые встреченных на территории древнерусского государства и своими корнями уходящих в среду гербообразных изображений северопаптийской периферии античного мира.

Такой процесс вполне мог иметь место. В пользу этого говорит и то, что VIII—IX вв. н. э. на территории будущего древнерусского государства были периодом классовобразования и зарождения государственных объединений, периодом завершения этих процессов.

Как известно, уже в IV в. н. э. появляется славянский вождь Бож, сосредоточивший в своих руках власть. Иордан — готский историк — называет Божа «царь». В VI в. н. э. создаются новые сильные объединения под главенством Маджака. Центр их был, по-видимому, в районе Карпат. Сто лет спустя, во времена Ярослава, рус-

ский повествователь отметил только поэтический отрывок из исторического воспоминания.

С VII в. н. э. племенные названия сменяются географическими и потому носят характер территориальных обозначений. В VIII в. н. э. имеем сведения о более или менее прочных государственных образованиях: Куявии, Славии, Артании. В IX в. н. э. на арену выступает древнерусское государство, представляющее единое, монолитное целое, уже способное диктовать свою волю соседям.

Разумеется, описанные гербообразные изображения конца VII — начала VIII в. н. э., попавшие на такую богатую почву, вряд ли могли пропасть бесследно в VIII—IX вв. н. э., ибо собственники-князья владели большими богатствами и, естественно, желали оградить свое имущество, пометив его.

Эти древнерусские геральдические эмблемы «дожили» до середины XII в. За время своего существования они нашли широкое применение в Древнерусском государстве. Ими заверяли государственные документы; отлитые из бронзы изображения гербов носили на груди княжеские тиуны. Ремесленники клеймили княжескими гербами орудия производства, имущество, земли князя. Дружинники князей носили пояса, оружие, знамена, помеченные княжескими гербами. Наконец, княжеские гербы ставили на пломбы, которыми метились товары, увозившиеся за границу¹⁰.

Исчезновение древнерусских геральдических знаков к XIII в. объясняется их эволюцией. По мнению крупнейшего советского специалиста в области сфрагистики В. Л. Янина, схема гербов упростилась настолько, что утратила способность создавать варианты, отмечающие индивидуальную принадлежность. В результате такого своеобразного кризиса древнерусской княжеской геральдики герб теряет свой личный признак и приобретает в дальнейшем родовой или территориальный характер¹¹.

Рыцарская геральдика

Особую разновидность эмблем представляют гербы, появившиеся в XI—XII вв. в Западной Европе в эпоху крестовых походов. Как полагает Н. А. Захаров, корни обычая украшать рыцарское вооружение геральдическими изображениями нужно искать в геральдических изобра-

жениях Боспорского царства¹². В средние века были очень распространены рыцарские состязания — турниры. На бой выходили рыцари, закованные с головы до ног в железные доспехи. Узнать того, кто прячется под доспехами, было очень трудно. И потому каждый рыцарь стал выбирать себе отличительный знак. Его помещали на щите определенной расцветки и по-разному разрисованном. Шлем тоже украшали различными уборами — клейнодами. Сочетание щита с фигурами и шлема с клейнодами стало основой западноевропейского гербового знака.

Гербовые знаки особенно нужны были в бою. Обычно во время войн или столкновений рыцарских отрядов на каком-нибудь видном месте выставляли знамя с изображением понятного всем геральдического знака. Чаще всего это был знак предводителя отряда. Знамя на длинном древке означало сборный пункт, и к нему стекались разбросанные группы.

Символическая эмблема была удобна еще и тем, что понималась каждым. В ту пору это имело немаловажное значение, поскольку большинство воинов-феодалов, неприменных участников средневековых рыцарских походов, были неграмотными, а между тем эмблема легко запоминалась и выделялась своей красочностью.

Вначале это были изображения, составленные из фигур совершенно произвольных, случайных. Когда же употребление таких эмблем вошло в обычай, широко распространилось, рыцари стали более осмысленно относиться к изображениям для своих эмблем. Чаще всего в них стремились запечатлеть, увековечить те или иные события, собственные ратные подвиги. Для этого и выбирали соответствующую символику.

Предполагают, что западноевропейское рыцарство было в то время знакомо с восточными странами, где уже имелись свои отличительные знаки. Возможно, что эти отличительные знаки в некоторой степени повлияли и на западноевропейские гербы.

В походах и боях щит был неизменным спутником рыцарей. Изображение на щите постепенно как бы вошло в их жизнь; им стали дорожить, считая своей неотъемлемой принадлежностью, передавать по наследству от отца к сыну.

Эмблемы с определенными символическими фигурами, выражающими исторические традиции владельца, пере-

дающимися из поколения в поколение, и получили название «герб». Само слово в переводе с немецкого, а также с некоторых славянских (польского, чешского, сербского) означает «наследство», «наследник».

Возвратившись из походов, рыцари развлекались на турнирах. Распорядителем турниров было специально лицо — герольд, что в переводе с немецкого означало «глашатай» (это слово и легло в основу названия «геральдика»). Герольд, как правило, провозглашал, кто явился на турнир, кто будет принимать в нем участие и каковы внешние приметы рыцаря. Герольды занимались еще и другим делом: накануне состязаний проверяли родословные участников, ибо на арену мог выходить только тот рыцарь, чьи четыре поколения предков которого были свободными людьми. Со временем герольды стали составлять и описывать гербы рыцарей — участников турниров.

В разных европейских странах появляются институты герольдов со специальным гербовым королем во главе. Составлению и описанию гербов придавали такое большое значение, что в Германии, например, в XIV в. даже отдельные провинции имели своих герольдов. В Англии уже с XII в. герольды занимают почетное место при дворе короля; правители часто пользуются их искусством, раздавая вознаграждения. При короле Эдуарде III была учреждена специальная геральдическая коллегия, существовавшая довольно долго. Во Франции Людовик VII повелел своим первым герольдам украсить лилиями все предметы, символизирующие его королевское достоинство. Обязанности герольдов постепенно принимают государственный характер.

Людовик XIV в 1696 г. утверждает первую должность герольдмейстера, в обязанность которому вменялось хранить и составлять гербы французских фамилий. Подобные должности учреждаются и в других странах, например в Пруссии при короле Фридрихе I. В Берлине была создана первая в Европе кафедра геральдики.

Герольдами преимущественно были люди высокообразованные для своего времени, хорошо разбиравшиеся в живописи, литературе. Недаром им принадлежат первые сочинения по геральдике, написанные красивым, поэтическим слогом. В Германии был широко известен поэт-герольд второй половины XIII в. Конрад Вюрцбургский, в стихах отразивший идеи теоретической геральдики.

Вначале гербы рыцарей слагались совершенно произвольно, чаще всего из элементов, составлявших вооружение. Поскольку же из года в год количество гербов непрерывно росло, а определенных правил для них не было, то возникла путаница. Появилась потребность в науке, занимающейся гербами¹³. Тем более что гербы уже передавались из поколения в поколение по наследству, вроде феодального замка или имения.

Гербы начали создавать по определенным правилам. Нарушения их считались большим позором, чем даже поражение в поединке на турнире. Геральдика не допускала совершенно одинаковых гербов, того, чтобы, скажем, были изображены одни и те же сочетания птиц, зверей, оружия и т. д. Их различные положения, расцветка, форма создавали, таким образом, требуемое разнообразие. Существовало шесть типов европейских гербов (табл. VII, 1—6).

Основой всякого герба, безусловно, считался щит.

Известны пять форм западноевропейского щита: треугольный, или варяжский; овальный — итальянский; квадратный с округлениями внизу — испанский; четырехугольный с заострением внизу — французский; фигурный, вырезной формы — немецкий (табл. VIII, 1—5).

По правилам теоретической геральдики, дамы и девушки должны были пользоваться ромбовидными щитами.

При составлении гербов применяли финифть (эмаль), металлы и меха. Из металлов употребляли золото и серебро. Гербы обычно были рельефными. При таких выпуклых изображениях фигуры чаще были не золотыми, а только позолоченными. Золото изображалось, естественно, золотой или желтой краской, серебро — серебряной.

Бывали случаи, когда герб невозможно было изобразить красками, к примеру на серебряной посуде и других вещах, принадлежавших гербовладельцу. Чтобы все-таки дать представление о красках герба, прибегали к определенной штриховке. Каждую краску заменяли условными графическими изображениями: красный цвет — вертикальными линиями, голубой — горизонтальными, зеленый — диагональными линиями справа, пурпурный — диагональными линиями слева, черный — взаимно пересекающимися линиями (табл. VIII, 6—10). Золото давалось черными точками на белом поле, серебро — белое поле без штриховки.

Из мехов в гербах употреблялись горностаевый и беличий (табл. X, 1—3). Горностаевый изображался черными хвостиками на белом поле, беличий — чередующимися белыми и черными языками, обращенными в разные стороны. Иногда вместо естественного изображения горностаевого меха давалось стилизованное (табл. X, 2).

Как правило, на металле рисовали финифтью. Не разрешалось накладывать металл на металл и финифть на финифть.

Щиты были однотонные или с несколькими цветами раскраски. Краски делили щит на части. Щит, разделенный по вертикали, считался рассеченным, по горизонтали — пересеченным (табл. X, 4). Если щит делился по диагонали из правого или левого угла, то это был скошенный справа или слева (табл. X, 5—6). На щите были фигуры: геральдические (табл. IX, 1—9) и негеральдические.

В некоторых гербах можно встретить фигуры, которые как бы поддерживают щит. Это щитодержатели. Они, однако, были вовсе не обязательными для каждого герба. Щит могли поддерживать также люди, животные, птицы, реально существующие или мифические.

На верху щита, вылотную к нему, помещался шлем — обычная рыцарская принадлежность. Причем шлемы отличались друг от друга. Королевский, например, изображался золоченым и открытым, дворянский — стальным и открытым. Женщины вовсе не употребляли в гербах шлемы.

С XV в. шлемы увенчиваются коронами, устанавливающими ранг своих титулованных владельцев. По достоинству короны подразделялись на императорские, королевские, княжеские, герцогские, обычные дворянские и т. д. В гербах графов и баронов короны помещаются не только на шлемах, но и на самих щитах — между щитом и шлемом. Если шлемов было несколько, то каждый из них венчался короной.

Кроме корон, в геральдике употреблялись каски, турбаны, береты, папские тиары, кардинальские и епископские шляпы и т. д.

На щите определенного цвета размещался какой-нибудь символ. Каждый владелец герба, кичась своим богатством, стремился нанести на щит как можно больше различных вещей. Возникла необходимость делить щит на несколько частей, каждая из которых имела свой цвет.

Общепринятыми были пять цветов: красный, голубой, зеленый, пурпурный (фиолетовый) и черный. На любой однотонной части щита размещались фигуры: оружие, звери и птицы, а также огонь, вода, солнце и т. д.

Из-под венчающей щит короны спускалось своеобразное украшение — намет (табл. XI, 1). Он символически изображал плащ, который рыцари набрасывали поверх доспехов для предохранения их от перегрева под лучами жаркого солнца. В длительных крестовых походах, боях плащ неизбежно изнашивался, превращался в лохмотья, и вот именно эти живописные лохмотья получили отражение в гербе в качестве орнаментального рисунка. Для каждой страны и эпохи рисунок был иным. Этим часто пользуются геральдисты для определения времени и страны по гербам.

В память о каких-либо исторических событиях, семейных традициях или просто как лозунг внизу щита помещался девиз, не менявшийся на протяжении всего времени наследования. Позднее весь герб покрывали также мантией (табл. XI, 2) государственного цвета — у суверенов, а у князей — малинового бархата на горностаевом меху. Все эти особенности западноевропейских феодальных гербов были разработаны в стройную систему.

Гербы Российского государства

Государственный герб и печать Российской империи были тесно связаны. К концу XV в. на государственных печатях окончательно оформились следующие изображения: всадник, поражающий змея, с одной стороны печати и двуглавый орел — с другой.

В XVII в. эти изображения стали называть русским государственным гербом. Сменявшиеся правители России до 1917 г. оставляли неизменными основные изображения герба (двуглавый орел с всадником на груди), варьировались лишь некоторые его детали. Например, с расширением границ страны менялись областные эмблемы на крыльях орла и пр.

Дворянские гербы в России появляются в XVII в. и получают широкое распространение в XVIII в. Среди части исследователей бытует мнение, что русские дворянские родовые гербы тоже произошли от отличительных знаков воинов-рыцарей, хотя их в России и не было.

Однако это не совсем так. Русские гербы складывались и развивались также и на своих исторических традициях. В основе русских гербов лежат старинные земельные эмблемы, служившие еще предкам отличительными знаками на печатях, монетах, знаменах и т. п. Существовало шесть типов русских гербов (табл. XII, 1—6).

Часть русских гербов принадлежит родам, «происходящим от Рюрика», — потомкам князей XII—XV вв. У них были свои титульные гербы со «знаменами» прадедов. К ним относятся гербы Горчаковых, Одоевских, Волконских, Вяземских и др.

Были гербы, жалованные возводимым в определенный титул родам, и гербы «выезжих» родов из Литвы, Польши, Франции, Пруссии и т. д., как, например, польские — Скавронских и Домбровских (табл. XIII, 1, 2).

В XVIII в. при Петре I родовые гербы стали необходимой принадлежностью каждого дворянского рода. К тому времени гербами пользовались настолько широко, что даже бывали случаи присвоения чужих гербов, беспорядочного их употребления. Жалуя титулы, Петр I распорядился выдавать вместе с гербами дипломы. Сочинением дипломов занималась вначале Коллегия иностранных дел. Сохранился один из последних дипломов, выданный Коллегией в 1725 г. гофмейстерине Евдокии Климентовой на баронское достоинство и подписанный императрицей Екатериной I.

Диплом выглядит роскошно. Изготовлен на четырех пергаменных листах, обложенных малиновым бархатом. На одном в красивом растительном орнаменте изображены гербы царств и княжеств, входящих в титул; на другом — государственный орел на золотом щите украшениями из роз на золотых и серебряных ветвях. Наконец, следовал жалованный герб баронессы: на золотом поле три красных розана, из которых верхний держит рука. Герб увенчивает баронская корона — золотой обруч, три раза перевитый жемчужной нитью.

Ревностный помощник царя Петра — барон Фридерик Гизен составил проекты о порядке жалования почетными титулами, форм грамот и дипломов.

Чтобы воплотить в жизнь реформу о гербах, упорядочить их, потребовался герольдмейстер, способный сам составлять гербы для родов, а также для городов.

Первым таким герольдмейстером стал Степан Андреевич Колычев. Поскольку одному было трудно справляться с порученным делом, в 1722 г. в помощь ему назначается дворянин из Пьемонта Франциск Санти, в свое время учившийся в Париже, служивший гофмаршалом двора герцога Гессен-Гамбургского. Санти прекрасно рисовал, но, к сожалению, мало интересовался изучением гербов русской формы. Поэтому в русскую геральдику он вводил готовые формы, в частности форму французского щита (табл. XIII, 3).

Сохранились некоторые эскизные рисунки его гербов. Например, Строгановых, Демидовых. Создавая герб Строгановых, он попытался использовать русские элементы, введя в изображение пушных зверей. Однако характерным для Санти было все же введение французских элементов, что, кстати, не всем нравилось. Некоторые из «пожалованных», недовольные его работой, даже доносили на него в Сенат.

В дальнейшем Санти принялся составлять рисунки городских гербов на полковые знамена, но эта работа не была им закончена¹⁴. Ему пришлось оставить область геральдики, хотя он работал весьма старательно, подходил к делу с чувством долга. Тем не менее многие города и провинции остались без гербов; сочиненные же гербы не были описаны. Позже его дело продолжили граф Б. Миних и художник А. Баранов¹⁵.

К рисованию гербов иногда привлекались очень талантливые люди, но царское правительство не ценило их труд по достоинству. Вот, например, какой случай описывается в книге В. К. Лукомского «О геральдическом искусстве в России».

Еще с 1741 г. сохранился диплом, выданный в свое время первому министру Анны Леопольдовны — фельдмаршалу Миниху. Изделие поражает изяществом работы, почти ювелирной, бисерной тонкостью. Автором его был художник Герольдмейстерской конторы Иван Чернавский.

Выходец из небогатой семьи армейского прапорщика, он обучался живописи в Москве, потом служил интендантом, получая жалованья четыре рубля в месяц. В 1722 г. он определился в только что учрежденную Герольдмейстерскую контору, где рисовал не только гербы, но и различные исторические церемонии в лицах. По рисункам Чернавского издавались печатные книги.

За все эти труды он не получил ни копейки вознаграждения и совершенно обнищал.

В 1744 г. он выходит в отставку, «пожалованный» за все свои труды всего лишь чином титулярного советника. Для того времени его судьба была типичной для людей талантливых, но неродовитых. Рисование гербов было тяжелым, трудоемким делом. Иногда приходилось срочно рисовать по несколько сотен гербов, ибо раздавались они монархами довольно щедро. Например, по воцелшествии на престол Елизавета Петровна за верную службу пожаловала потомственное дворянство гренадерской роте Преображенского полка. Генеральный герб лейб-компания был нарисован тем же Иваном Чернавским и утвержден императрицей. Дворянские гербы получили, к примеру, М. Воронцов, А. Шувалов, А. Разумовский (табл. XIII, 4—6).

Предстояло заготовить дипломы для 347 человек. Герольдмейстерская контора оказалась не в состоянии выполнить эту задачу. Тогда стали искать дополнительно новых художников. Нашли нескольких незаурядных мастеров живописи.

Они обязаны были являться в мастерскую в седьмом часу утра и уходить в восьмом вечера. Если кто-нибудь относился к работе не должным образом, то бывал строго наказан, с него удерживали часть жалованья, сажали под арест и взыскивали еще строже. В одной из резолюций Герольдмейстерской конторы есть место, где говорится, что за неявку в рисовальную палату двух художников «высечь батожем». Такие предельно крутые меры возымели действие. За семь лет уже было изготовлено около 200 дипломов.

Это довольно много, если учесть, насколько трудоемким было изготовление каждого образца. Они писались на трех или четырех пергаменных листах с украшениями, переключивались розовой, зеленой, голубой, алой и белой тафтой, «облакивались» малиновым бархатом, золотой парчой, серебряным глазетом, прошивались шелковыми шнурами с золотом, с кистями и т. д. Использовались самые лучшие краски, выписывавшиеся из Берлина, Венеции и других городов.

Уже по этому короткому описанию видно, какое разнообразие материала и красок применяли мастера,

Кроме рисования этих дипломов, они еще были заняты текущей работой: оформлением их вновь пожалованным лицам, рисованием гербов для торжественных церемоний. В результате такого напряженного труда многие художники быстро слепли и вынужденно уходили в отставку без чинов, а следовательно, и без средств к существованию.

При Екатерине II выдача дипломов продолжалась. Почти ежегодно кому-нибудь жаловался титул, нередко по причинам самым неожиданным. Так, в 1768 г. императрица решила привить себе оспу. О благополучном исходе операции было сообщено манифестом. Больному Александру Маркоку, от которого бралась прививка, императрица пожаловала потомственное дворянство с переменной фамилии. Отныне он должен был именоваться Оспенным. Подобных курьезных случаев в истории дореволюционной геральдики великое множество.

Рисовались гербы в средневековой манере. Для них характерны два стиля: готический и эпохи Возрождения. Встречается в гербах и стиль рококо, но он не является типичным. Гербы, выполненные в более раннем стиле, как правило, нарушали основные каноны геральдики.

Западноевропейские родовые гербы феодалов за время своего существования прошли несколько этапов. Вначале они были просто отличительным знаком рыцарей. Составляли и изменяли их сами герольды. С XIV в. право облагать гербом стало почетным; награждением гербами занимается верховная власть. Каждый награжденный фиксировался грамотой; незаконное пользование гербом наказывалось. Так было в большинстве стран.

Совсем по-другому получали гербы в Польше. Обычно, когда надвигалась какая-нибудь опасность или начиналась война, все роды данного округа собирались под одно знамя, на которое наносился какой-нибудь, зачастую примитивный, знак: стрела, жернов, грабли, крест, звезда и т. д. Этот знак затем переходил к тем лицам, которые под ним сражались, причем, если в строй вступал новый человек, он приписывался к этому же знаку. Такое явление привело к тому, что в Польше одинаковые гербы встречаются у многих родов. Общее же их количество сравнительно невелико. Специфическое образование гербов в Польше, таким образом, обусловило и появление двойных фамилий: первая часть означала герб, а вто-

рая — собственно фамилию. Их можно встретить в Польше еще и сейчас.

В России же привились гербы, основанные и на личном, и на родовом начале, т. е. получилась смешанная система. Родовые гербы, имевшие в начале своего возникновения практическое значение, с течением веков стали формой без содержания, которой, тем не менее, кичились тщеславные дворяне. С боевых знамен и щитов герб перекочевал на дверцы карет, пуговицы ливрейных лакеев, батистовые носовые платки. Он потерял свою естественность и классическую простоту, стал просто красивой побрякушкой.

В России, как и на Западе, гербы играли определенную социальную роль — утверждали принадлежность их владельцев к господствующим классам. Ныне они полезны ученым для расшифровки исторических, литературных, искусствоведческих тайн.

Большой интерес представляют и городские гербы (табл. XIV, 1—9). Впервые они упоминаются в Большой государственной книге 1672 г. («Титулярник»). Там с некоторым использованием геральдических приемов воспроизводились рисунки 33 гербов городов и областей, которые входили в полный титул русского царя. К ним относились гербы: московский, киевский, владимирский, новгородский, псковский, казанский и др.¹⁶

Многие города обязаны своими гербами Петру I¹⁷. Распространение городских гербов связано с военными реформами царя. Для облегчения снабжения продовольствием армия должна была размещаться по городам и губерниям России. Это решение повлекло за собой следующее: полкам давали названия городов и местностей, где они были приписаны, а на полковые знамена помещали гербы этих городов¹⁸. Это не всегда было возможно, ибо многие города еще не имели своих гербов. По заказу Петра I в 1705 г. издается книга «Символы и Емблемата» (табл. XV).

Герольдмейстерской конторе, созданной в 1722 г., пришлось вплотную заняться русскими гербами. Работа была нелегкой, поскольку не каждый город имел готовый символ. Изображения старых печатей таких городов, как Москва, Новгород, Псков, Киев, Чернигов, окружались новыми геральдическими атрибутами. Для новых гербов требовалось собирать и новый материал, изучать богатст-

ва края, исторические подвиги жителей города (табл. XVI, 1—11)¹⁹. Использовалась символика земельных эмблем и т. д.

Для получения данных была составлена анкета, отражавшая особенности города. Рисунок герба город получал вместе с жалованной грамотой. При Павле I было дано распоряжение начать составление «Общего гербовника городов Российской империи», которое исполнено не было. Хранили изображения городских гербов в архиве Сената.

В России составлялись также гербы для губерний (табл. XVII, 1—9) и уездов. Подчиненные города включали в свой герб изображение герба губернского города. В нижней половине щита располагалась эмблема уездного города, а в верхней — губернского.

На щитах гербов чаще всего рисовали предметы, которые отражали своеобразие города: его экономику, географические условия, само название (табл. XVIII, 1—9). Например, в нижней части герба уездного города Кургана изображались два кургана, находившиеся возле города.

В 1859 г. барон Кене, глава Департамента герольдии, решил снабдить городские гербы лентами, коронами и т. д.²⁰ Императорская корона венчала гербы губерний и столичных городов; шапка Мономаха украшала гербы старых столиц — Киева, Ярославля, Новгорода, Владимира и т. д.; золотая корона с пятью зубцами стала принадлежностью гербов городов с населением более 50 тыс. жителей (табл. XIX, 1—7) и т. д.

В 1886 г., когда Гербовым отделением управлял А. П. Барсуков, с городских гербов были удалены украшения, благодаря чему они упростились.

После Октябрьской революции все это разнообразие гербов стало достоянием истории. Молодое Советское государство никоим образом не могло использовать старые эмблемы. Ему нужны были качественно новые, лаконично и содержательно отражающие новый строй, новые идеи, новое время. И такие гербы появились. О них мы расскажем дальше. А сейчас снова пойдет речь о науке, занимающейся изучением гербов, — геральдике, о ее загадках и находках, так или иначе связанных и с различными событиями из многовековой истории нашей Родины, и с известными личностями, чья жизнь и деятельность тоже стала историей.